

Дион из Прусы (Хрисостом). Речи

VI. Диоген, или О тирании

- 1.. Диоген Синопский, бежав из Синопы, прибыл в Элладу; там жил он то в Коринфе, то в Афинах, утверждая, что подражает в образе жизни самому персидскому царю, который проводил зиму в Вавилоне и Сузах, а иногда в Бактрах, т. е. в самых теплых областях Азии. Летом же он жил в Экбатанах Мидийских[306], где стоит всегда прохладная погода, похожая на зиму в районе Вавилона.
2. Вот и Диоген менял свое местожительство в соответствии с временами года. В Аттике нет высоких гор и обильных водою рек, как на Пелопоннесе или в Фессалии. Земля там бедная, а климат сухой, так что даже когда выпадают редкие дожди, влага в почве долго не задерживается. Зато Аттика почти целиком окружена морем, благодаря чему и получила свое название, словно вся она представляет собой одно сплошное побережье[307].
3. Город Афины расположен в долине на юге Аттики. Доказательством служит то, что корабли, плывущие от Суниона в Пирей[308], не могут достичь цели, если только не дует южный ветер; понятно, что зима там мягкая; Коринф, напротив, летом овевают холодные ветры, всегда дующие со стороны заливов[309]. Город лежит в тени Акрокоринфа, спускаясь по направлению к Лехею и простираясь на север[310].
4. Эти два города (Афины и Коринф) намного красивее, чем Экбатаны и Вавилон; Коринфский Краний, афинские Акрополь и Пропилеи значительно величественнее царских дворцов, которым они уступают только в размерах. Афины в окружности составляют двести стадиев[311], если включить Пирей и стены, их соединяющие, так как не в столь уж отдаленные времена всё это сплошь было обитаемо.
5. Если говорить по правде, то Афины вдвое меньше Вавилона, но красотой своих гаваней, статуй и живописью, золотом, серебром, бронзой, порядками, утварью и мебелировкой домов Афины намного превосходят всё, что можно увидеть в Вавилоне. Впрочем, Диогена всё это мало волновало.
6. «Персидский царь, чтобы сменить резиденцию, должен преодолеть весьма солидные расстояния: ему приходится проводить в дороге большую часть зимы и лета. Мне же, — говорил Диоген, — не составляет труда, остановившись на ночлег вблизи Мегар, на следующий день оказаться в Афинах. Если же нет, ещё более близкий путь через Саламин.

И не нужно преодолевать пустынные переходы. Тут у меня явное преимущество перед царём персов и больше удобств, потому что я располагаю лучшими условиями».

7. Вот таким образом любил шутить Диоген. Однако тем, кто восхищался богатствами персидского царя и его хвалёным счастьем, он доказывал, что в жизни царя нет ничего из того, о чём они воображают. От одной части его имущества нет никакой пользы, а в остальном он не отличается от самых жалких бедняков.

8. При всём том нельзя сказать, что Диоген не заботился о телесном здоровье и о самой жизни, как часто думали иные из глупцов, наблюдая, как он мёрзнет, живя под открытым небом, и испытывает жажду; а он, снося все тяготы, был здоровее тех, кто всегда сыт, живёт под крышей, никогда не мучается ни от холода, ни от жажды. Он испытывал даже больше удовольствия, чем они, греясь на солнышке и вкушая пищу.

Особенно радовался он смене времён года: приходу лета, когда становилось теплее, но и не огорчался, когда оно кончалось, ибо вместе с тем прекращалась сильная жара. Так, следуя за сменой времён года и понемногу приравниваясь к ним, он легко переносил крайности жары и холода.

10. Диоген редко прибегал к помощи огня или тенистого укрытия, если не появлялась крайняя необходимость. Остальные же люди в любой момент могут разжечь огонь, имеют запас одежды, жилище и, едва ощутив холод, тотчас же скрываются внутрь домов, изнеживают свои тела, делая их неспособными переносить зимнюю стужу,

11. Поскольку летом они когда угодно могут пользоваться тенью и пить вдоволь вина, то, лишённые солнца, проводят так всё время и никогда не дожидаются, пока появится естественная жажда. Подобно женщинам, большую часть времени они проводят дома, сидят без дела, не зная, что такое физический труд, с одурманенной от пьянства головой; чтобы помочь себе, они придумывают дешёвую пищу и отправляются в бани. На протяжении одного и того же дня они испытывают нужду и в свежем ветре, и в тёплой одежде; им нужны одновременно и лёд, и пламень, а что самое нелепое — при этом они желают еще испытывать голод и жажду.

12. Будучи нетерпеливыми, они не получают удовольствия, даже занимаясь любовью, так как не дожидаются, пока появится естественное желание, поэтому они жаждут гнусных и безрадостных наслаждений.

Что касается Диогена, то он только тогда принимался за трапезу, когда его посещало чувство голода и жажды, считая, что именно это и есть самая лучшая и острая приправа к еде. Поэтому для него ячменная лепёшка казалась вкуснее любого самого изысканного блюда, а проточную воду он пил с большим удовольствием, чем остальные фасосское вино.

13. Диоген смеялся над теми, кто, испытывая жажду, проходил мимо источников и рыскал повсюду в поисках места, где можно было бы купить вино с Хиоса или Лесбоса. «Эти людишки глупее скота, — замечал он. — Любое животное, когда ему захочется пить, не пройдёт мимо родника или ручья с чистой водой, а когда испытывает голод, не откажется от нежных побегов или травы, способных его насытить».

14. Для него в любом городе были открыты самые красивые и здоровые жилища — храмы и гимнасии. Летом и зимой он довольствовался единственным плащом, ибо легко переносил ставший для него привычным холод.

15. Ноги его никогда не знали обуви и не требовали прикрытия, потому что, как он говорил, они не более изнежены, чем его глаза или лицо. Хотя глаза и лицо — от природы наиболее восприимчивые части тела, однако они прекрасно переносят холод благодаря тому, что постоянно открыты: невозможно людям ходить с завязанными глазами, словно они ноги, которые обычно обувают. Диоген говорил, что богачи похожи на новорождённых, которые всегда нуждаются в пелёнках.

16. Вот о каких вещах больше всего заботятся люди, вот на что тратят больше всего денег, вот из-за чего разоряются многие города и многие народы погибают самым ужасным образом. А Диогену всё это казалось не стоящим трудов и расходов. Ему не нужно было идти куда-нибудь для удовлетворения своих любовных желаний. Он говорил, шутя, что Афродита у него всегда под рукой и притом совершенно бесплатно.

17. Поэты, утверждал он, клеветают на эту богиню, называя её «золотой»[312] из-за собственной распущенности. Но так как немало людей сомневались в правоте его слов, то он занимался этим открыто, у всех на виду, и добавлял при этом: «О, если бы все поступали точно таким же образом, то Троя никогда не была бы взята, а Приам, царь фригийский, ведущий свой род от самого Зевса, никогда не был бы заколот у его алтаря».

18. Ахейцы же были столь глупы, что верили, будто даже покойники нуждаются в любовных утехах с женщинами, и закололи Поликсену на могиле Ахилла[313].

Диоген говорил, что в известном отношении рыбы умнее людей: когда к ним приходит желание выбросить сперму, они покидают свои убежища и трутся о что-нибудь жёсткое.

19. А люди, удивлялся он, не хотят за деньги потерять или ногу, или руку, или какую-нибудь другую часть тела, и даже самые богатые не заплатили бы за это ни одной драхмы, а вот за то, чтобы ублажить тот, всем известный единственный член, они не то что готовы потратить много талантов, но некоторые ради этого рискуют даже самой жизнью!

20. «Тот способ удовлетворения любовного желания, которым пользуюсь я, — продолжал, шутя, Диоген, — изобрёл Пан. Влюбившись в нимфу Эхо, он гонялся за ней, но не мог её поймать, дни и ночи рыская по горам. Он скитался до тех пор, пока Гермес, отец его, не сжалился над ним и не научил его этому способу, а Пан, познав его, избавился от многих неприятностей и научил, в свою очередь, пастухов».

21. Такими вот приблизительно словами он порой высмеивал людей самонадеянных и глупых, но больше всего насмеялся над софистами, претендовавшими на особое уважение и уверенными в том, что они знают гораздо больше всех остальных учёных. Он утверждал, что из-за своей изнеженности люди ведут более жалкий образ жизни, чем звери.

22. Питьём им служит вода, пищей — растения, большинство из них ходят голыми круглый год, никогда они не заглядывают в дома, не знают огня, живут так долго, как им

предопределено природой, если только никто не лишит их преждевременно жизни. Они живут, сохраняя силу и здоровье, не нуждаясь во врачах и лекарствах.

23. Что же касается людей, столь привязанных к жизни, придумавших столько средств, чтобы отдалить час смерти, то многие из них даже не доживают до старости, страдая множеством болезней, которые и перечислить-то трудно. Им уже мало земли для производства лекарств, теперь они нуждаются в железе и огне.

24. Ни советы Хирона, ни учеников Асклепия, как и предсказания гадателей или очистительные обряды жрецов, не приносят им пользы. Причина тут одна — распущенность и дурные нравы людей.

25. Они собираются вместе в города, чтобы защитить себя от внешних врагов, но поступают так незаконно по отношению друг к другу и совершают столько тяжких преступлений что можно подумать, будто они собирались туда именно ради этой цели. По мнению Диогена, в мифе потому и рассказывается, что Зевс покарал Прометея за изобретение огня и передачу его людям, ибо это послужило началом и первопричиной изнеженности и распущенности людей. Ведь нельзя же сказать, что Зевс ненавидит людей и завидует их благам.

26. Находились и такие, кто возражал Диогену, говоря, что нельзя человеку жить, подобно другим животным; у него плоть нежнее, и он беззащитен не имеет ни шкуры, ни перьев, как другие звери и кожа у него тонкая.

27. На это Диоген возражал: «Виной изнеженности людей — их образ жизни. Они избегают по большей части быть на солнце, скрываются от холода, и дело вовсе не в том, что тело их ничем не покрыто». Он указывал, что лягушки и немало других животных ещё более не защищены, чем человек, но некоторые из них не только легко переносят холодный воздух, но могут даже зимой жить в ещё более прохладной воде.

28. Диоген неоднократно подчёркивал: глаза и лицо человека не нуждаются в защите и вообще живое существо не зарождается в среде, где оно не могло бы существовать. Как бы в ином случае выжили первобытные люди, не имевшие ни огня ни домов, ни одежды и никакой другой пищи, кроме той, что давала природа сама по себе? Не очень-то облегчили жизнь последующим поколениям всякого рода хитрости, изобретения и придумки, потому что люди пользовались своими способностями не для доблести и справедливости, а ради наслаждения.

29. Преследуя во всём только собственные удовольствия, они постоянно живут жизнью более тягостной и трудной. Полагая, что они себя заранее всем обеспечивают и всё предусматривают, в действительности же люди этой самой чрезмерной заботой и предусмотрительностью только губят себя наихудшим образом.

30. Поэтому справедливо, что Прометей, как рассказывают, был прикован к скале, а коршун клевал его печень.

Диоген отвергал всё, что требовало больших расходов, забот и причиняло страдания, и показывал, какую опасность несут они тем, кто этим пользуется. Но он не отказывался от

всего, что можно легко и без особых усилий добыть для насущных физических потребностей, против холода и голода и для удовлетворения других желаний.

31. Он предпочитал здоровую местность гиблой и выбирал наиболее подходящую для каждого времени года. Заботился и о достатке в пище, и о скромной одежде, но чуждался общественной деятельности, судов, соперничества, войн, бунтов.

В образе жизни более всего он подражал богам. Только они, как утверждает Гомер, живут беззаботно[314], в то время как человечество проводит дни в трудах и тягостях. Добрые примеры, говорил он, можно найти и в мире животных.

32. Так, аисты, избегая летнего зноя, прилетают в области с умеренным климатом; проведя там приятно время, они собираются вместе и улетают, чувствуя приближение зимы. Журавли, легко переносящие стужу, прилетают туда, где идёт сев, и находят там себе пищу.

33. Олени и зайцы с наступлением холодов спускаются с гор в долины и на равнины (в горах они скрывались от ветра в удобных пещерах), от жары же они укрываются в лесах и в самых северных краях.

34. Диоген, наблюдая жизнь людей, делал вывод, что дни свои они проводят в хлопотах, злоумышляют все против всех, беспрестанно находятся среди тысячи бед, не зная передышки хоть на миг, даже в праздники, в пору общегреческих игр и священного перемирия. Они готовы всё свершить и всё претерпеть ради единственной цели — лишь бы выжить, но более всего они страшатся, что у них не хватит того, что они относят к самым необходимым жизненным благам; они думают и постоянно пекутся ещё о том, чтобы оставить своим детям побольше богатств. Диоген не переставал удивляться тому, что только он один не действует таким же образом, что лишь он один истинно свободен среди всех и по-настоящему счастлив, чего никто другой не понимает.

35. Поэтому он даже не хотел сравнивать себя с персидским царём, ибо его можно считать самым несчастным из людей; купаясь в золоте, он боится нищеты; страшится болезней, хотя не может избавиться от того, что вызывает множество недугов; в ужасе от одной только мысли о смерти воображает, что все участвуют в заговоре против него, его детей и братьев.

36. Он не получает удовольствия от еды, хотя ему подают изысканнейшие блюда, и даже драгоценное вино не в состоянии заглушить в нём тревогу. Нет дня, который бы он прожил беззаботно и не претерпевал бы величайшего страха. Когда он трезв, то мечтает напиться допьяна, чтобы забыться от всех треволнений, но, напившись, считает себя конченным человеком, ибо становится беззащитным.

37. Еще не успев проснуться, уже мечтает о сне, чтобы забыться от своих страхов; лишь снизойдёт на него сон, он тут же вскакивает, опасаясь умереть во сне. И нет ему никакой пользы от золотого платана[315], дворцов Семирамиды и стен вавилонских.

38. Нелепее не придумать — боится безоружных, а вверяет себя в руки вооружённых до зубов телохранителей; заставляет обыскивать всех проходящих в поисках спрятанного

кинжала, но живёт в окружении воинов, опоясанных мечами. От безоружных бежит к вооружённым, от вооружённых — к безоружным. От народа его защищают телохранители, от телохранителей — евнухи. У него нет никого, кому бы он мог довериться, на земле нет места, куда бы он мог скрыться и прожить там один-единственный день, никого не боясь.

39. Он не доверяет ни еде, ни питью, а содержит специально слуг, которые все это должны отведать до него, словно разведчики на пути, кишасщем врагами. Не доверяет он даже самым близким — ни детям, ни жене. И всё же, живя в таких тягостных и невыносимых условиях, он не отказывается от царской власти, не хочет этого и не может.

40. Хотя людей со всех сторон окружают несчастья, однако у них есть утешение — рано или поздно им наступит конец. Заключенный в оковы узник надеется когда-нибудь освободиться; изгнанник, покинувший родину, питает надежду на возвращение; больной вплоть до смертного часа уповает на исцеление. Тирану же невозможно уйти от своих напастей, ему остаются только молитвы, как и всем прочим. Каждому, кому приходилось пережить смерть одного из своих друзей, хорошо известно, что наступит время, когда скорбь пройдёт. Что же касается тиранов, то у них, наоборот, несчастья со временем всё нарастают.

41. Нелегко тирану дожить до старости, а старость у тирана тяжка. Она совсем не похожа на старость у лошадей, как гласит пословица[316]. К старости у тирана накапливается больше жертв его произвола и, следовательно, самых ожесточённых врагов, а он, утратив физические силы, уже не в состоянии сам себе помочь.

Все несчастья — голод, изгнание, тюрьмы, утрата гражданских прав — больше страшат, когда их ожидают, чем огорчают того, кто уже их испытал.

42. Стоит устранить страх смерти, — продолжал Диоген, — как больше уж нечего будет бояться. Смерть не может тревожить тех, кого она уже настигла, ибо мёртвые вообще ни о чём не беспокоятся. Но страх перед смертью столь велик, что многие даже дожидаются её естественного прихода. Одни, оказавшись на корабле во время бури, не дожидаясь, пока корабль пойдёт ко дну, кончают жизнь самоубийством, другие же, попав в окружение врагов, делают то же самое, хотя уверены, что ничего страшнее смерти их не ожидает.

43. Что касается тиранов, то этот страх их никогда не покидает — ни днём, ни ночью. Осуждённые на смерть преступники знают, когда им предстоит умереть, а тираны даже того не ведают: наступит ли их смертный час через день или уже пришёл. Ни на одну минуту, ни на короткое мгновение не оставляет их страх смерти: и во время приёма пищи, и в момент жертвоприношений в честь богов.

44. Когда приходит время для развлечений, даже в минуты акта любви, в миг наивысшего напряжения страстей, они не забывают о смерти, опасаясь быть убитыми своими возлюбленными.

45. С этим же чувством они пьют с ними вино и ложатся в постель.

Таким образом, по-моему, тиран только тогда счастлив, когда его сразит смертельный удар, ибо тогда он избавляется от своего самого большого несчастья. Но самое нелепое вот что: все другие люди знают, что, попав в безвыходное положение, они не будут долго страдать, если возможно умереть. Тираны же, в окружении величайших несчастий, считают, что живут среди величайших благ, так как, на мой взгляд, они обмануты мнением других людей, не прошедших искуса властью.

46. Это сам бог внушил им это неведение, чтобы наказание длилось всю их жизнь.

Людям благополучным жизнь кажется лучше, а смерть, естественно, чем-то дурным, а тем, кто влачит свою жизнь в печалях, она представляется более тяжкой, а смерть желанной.

47. Что же касается тиранов, то и жизнь, и смерть для них более тяжка, чем для остальных людей, ибо они живут гораздо хуже, чем те, кто обуреваем желанием умереть, а смерти они боятся так, будто ни на минуту не расставались с наслаждениями.

48. Удовольствия, разумеется, приносят больше радости, когда редки, но надоедают, если ими пользоваться постоянно, а беды, если они нескончаемы, переносятся еще тяжелее.

Примерно так всегда обстоит дело у тиранов и с удовольствиями, и с несчастьями: беды у них никогда не кончаются, а удовольствия они никогда не чувствуют.

49. Они всегда опасаются могущества богатых, а у бедняков их пугает жажда обогатиться. На свете нет человека, даже процветающего, который бы испытывал по отношению к тиранам чувство благодарности, потому что люди никогда не довольствуются достигнутым, а тот, кому в жизни ничего не удаётся достигнуть, особенно сильно их ненавидит.

50. Особенно ненавистен людям тот, кто добыл свои неисчислимые богатства несправедливым путём, поэтому нет никого ненавистнее тирана. К тому же ему ещё необходимо доказывать своё расположение к придворным. В противном случае он тотчас же погибнет, а оказывать благодеяния многим, причём неоднократно, нелегко, не отнимая у других. Те, у кого отнимают, становятся врагами, а тот, кто получает, обуреваем подозрениями и старается как можно быстрее отделаться от подарка. Далёкое пугает тирана своей отдалённостью, близкое — своей близостью. От тех, кто далеко, он ожидает военного нападения, от тех, кто близко — предательства.

51. Мир для него нежелателен, так как он предоставляет людям досуг, а войну считает опасной, поскольку приходится нарушать покой подданных, заставляя предоставлять деньги и отправляться в поход. Таким образом, во время войны они жаждут мира, а когда воцаряется мир, они тотчас затевают войну.

52. Когда народ обеспечен всем необходимым, они боятся его наглости; когда же приходит нужда, страшатся его гнева. Они никогда не уверены в своей безопасности: отправляясь на чужбину и оставаясь дома, показываясь на народе и живя в одиночестве; они не смеют пойти даже туда, где вполне безопасно, ибо повсюду им чуются засады и заговоры.

53. Каждый из них припоминает известные им случаи смерти тиранов и когда-либо направленные против них заговоры. Всё это они считают дурным для себя предзнаменованием, и они так напуганы, будто им предстоит умирать много раз всеми этими смертями. Они всегда хотят за всем уследить и не терять ничего из виду, ибо ожидают удара с любой стороны, но именно этого-то они и не могут делать из-за чувства стыда и страха; ведь насколько заметнее страх властителя, настолько смелее вступают люди в заговор против него, презирая за трусость.

54. Вот так и живут тираны, словно запертые в тесную клетку, со всех сторон утыканную направленными против них мечами, почти касающимися их тел.

55. Не только тела, но и самой души тирана так близко касаются острия мечей, что даже в Аиде самому Танталу, которому, как говорят:

грозит над головой висящий камень[317],

приходится значительно легче. Ведь Танталом больше, не владеет страх смерти, а тирану, пока он жив, грозят такие муки, какие выпали Танталу только после смерти.

56. У тех, кто стал тираном в каком-нибудь городе или небольшой стране, есть возможность бежать куда-нибудь и жить там изгнанником, но никто ещё не испытывал любви к тирану, а, напротив, все ненавидят его, относятся к нему подозрительно и ждут только удобного случая, чтобы выдать обратно его жертвам. Ну а тем, у кого под властью находится множество городов и народов, кто владеет огромной страной, как, например, персидский царь, тому невозможно никуда убежать, даже если к ним наконец придёт понимание меры всего содеянного ими зла и кто-нибудь из богов лишит их счастливого неведения.

57. Тираны никогда не живут в безопасности, даже если они превратятся в бронзу или железо. И в таком виде им грозит гибель — быть разрубленным на куски или пущенным в переплавку.

Если кто-нибудь рискнёт говорить с тираном откровенно, тот выходит из себя, пугаясь этой смелости в речах; если же кто говорит раболепно и униженно, то само это раболепие кажется ему подозрительным.

58. Говорят с ним как с равным — считает, что над ним глумятся; унижаются — думает, что обманывают. Когда бранят, оскорбляется намного сильнее, чем любой другой, ибо, властелин, он слышит о себе только дурное.

59. Его хвалят, он не радуется, потому что не верит в искренность похвал. В окружении самых прекрасных и роскошных сокровищ, которыми тиран владеет, он чувствует себя самым обездоленным. На любовь или дружбу он не может рассчитывать: воспитатель диких львов испытывает к своим питомцам больше любви, чем придворные и приближённые к тиранам.

60. А я иду туда, куда мне заблагорассудится, совсем один, хоть ночью, хоть днём, — сказал в заключение Диоген, — и я не испытываю никакого страха, когда прохожу, если нужно, без

жезла глашатая по военному лагерю и даже через разбойничий привал. На своём пути я не встречаю ни врага, ни недруга. Если исчезнет вдруг всё золото мира, всё серебро, вся медь, меня это ничуть не встревожит.

61. Если землетрясение уничтожит даже все дома, как это случилось некогда в Спарте[318], если погибнут все овцы и нельзя будет изготовить одежды, если неурожай охватит не только Аттику, но и Пелопоннес, Беотию и Фессалию, как это уже, по слухам, бывало и раньше, моя жизнь не станет от этого ничуть не хуже, не беднее.

62. Разве можно мне стать ещё более нагим, чем теперь, или ещё более лишённым дома? Всё мне пойдёт на пользу — и яблоки, и просо, и ячмень, и вино, и самые дешёвые бобы, и жёлуди, испечённые в золе, и кизилловые ягоды, которыми, как рассказывает Гомер[319], Кирка кормила спутников Одиссея, и, питаясь которыми, могут существовать самые крупные животные.

VIII. Диоген, или О доблести

1. Когда Диоген, уроженец Синопы, был изгнан из своей родины, он пришёл в Афины, ничем не отличаясь по своему обличью от беднейших нищих, и застал там ещё немало сподвижников Сократа — Платона, Аристиппа, Эсхина, Антисфена и Евклида Мегарянина; Ксенофонт в это время был в изгнании за своё участие в походе Кира[320]. Диоген вскоре проникся презрением ко всем, кроме Антисфена; с ним он общался охотно, но хвалил, впрочем, не, столько его самого, сколько его учение, полагая, что только оно раскрывает истину и может принести пользу людям;

2. сравнивая же самого Антисфена с его учением, он нередко упрекал его в недостаточной твердости и, порицая, называл его боевой трубой — шума от неё много, но сама она себя не слышит.

Антисфен терпеливо выслушивал его упреки, так как он восхищался характером Диогена,

3. а в отместку за то, что Диоген называл его трубой, он говорил, что Диоген похож на овода: овод машет своими крылышками почти не слышно, но жалит жестоко. Острый язык Диогена Антисфену очень нравился: если всадникам достанется конь норовистый, но смелый и выносливый, его тяжёлый нрав они переносят охотно, а ленивых и медлительных коней терпеть не могут и от них отказываются.

4. Подчас Антисфен подзадоривал Диогена, а иногда, напротив, пытался обращаться с ним мягче; так поступают и те, кто, изготовляя струны для музыкальных инструментов, сильно натягивают их, но тщательно следят за тем, как бы они не порвались.

После смерти Антисфена Диоген переселился в Коринф, полагая, что больше ни с кем общаться не стоит; в Коринфе он не нанял себе жилья и не поселился ни у кого из гостеприимцев, а стал жить под открытым небом возле Крания.

5. Он видел, что именно в Коринфе собирается больше всего народу из-за того, что там и гавань есть, и гетер много и что этот город лежит как бы на перекрестке всех дорог Греции. Диоген думал, что, подобно хорошему врачу, который идёт помогать туда, где больных больше всего, и философу необходимо находиться именно там, где больше всего встречается людей неразумных, чтобы обнаруживать их неразумие и порицать его.

6. Поэтому, когда пришёл срок Истмийских игр[321] и весь народ повалил на Истм, он тоже направился туда; таков уж был у него обычай — на больших сборищах изучать, к чему люди стремятся, чего желают, ради чего странствуют и чем гордятся.

7. Он уделял время любому человеку, который хотел с ним встретиться, и говорил, что одно его удивляет: если бы он объявил себя зубным врачом, к нему пришли бы все, кому надо вырвать зуб; если бы он — Зевс свидетель — обещал излечивать от глазных болезней, к нему тотчас же явились бы все, страдающие глазами; то же самое случилось бы, если бы он заявил, что знает средства от болезней селезёнки, от подагры или от насморка;

8. но когда он говорит, что излечит всех, кто последует его указаниям, от невежества, от подлости, от необузданности, — никто не приходит к нему, не просит об излечении и вовсе не думает о том, как много приобрёл бы он от такого лечения, как будто человек меньше страдает от этих болезней души, чем от болезней тела, и как будто для него хуже иметь разбухшую селезёнку или гнилой зуб, чем душу безрассудную, невежественную, трусливую, необузданную, жаждущую наслаждений, несвободную, гневливую, недобрую, коварную, т. е. во всех отношениях дурную.

9. В ту пору всякий мог слышать возле храма Посейдона, как орут и переругиваются толпы жалких софистов, как сражаются между собой их так называемые ученики, как множество писак читают вслух свои нелепые сочинения, множество поэтов распевают свои стихи и как слушатели восхваляют их, как множество фокусников показывает разные чудеса, множество гадателей истолковывают знамения, как бесчисленные риторы извращают законы, как немалое число мелких торговцев распродают всякую всячину.

10. Конечно, и к Диогену бросилось несколько человек; из коринфян, правда, не подошел ни один: они полагали, что им от него никакой пользы не будет, так как они привыкли видеть его в Коринфе ежедневно; те, кто подходил к нему, были пришельцами из чужих городов, да и они, немного поговорив с ним или послушав его речи, скоро удалялись, боясь его упрёков.

11. Именно поэтому Диоген сравнивал себя с лаконскими псами: когда их показывают на зрелищах, всякому хочется погладить их и с ними поиграть, но покупать их охотников нет, так как обращаться с ними не умеет никто.

Когда кто-то спросил его, зачем он пришёл сюда, не для того ли, чтобы поглядеть на состязания, он ответил:

— Нет, чтобы участвовать в них.

Его собеседник засмеялся и спросил, с какими же противниками он собирается помериться силами;

12. Диоген, бросив, как обычно, взгляд исподлобья, ответил:

— С самыми страшными и непобедимыми, с теми, кому ни один эллин не смеет взглянуть в глаза; они, правда, не бегуны, не борцы, не прыгуны, не кулачные бойцы и не стрелки из лука, но они делают человека разумным.

13. — Кто же они?

— Труды, — сказал Диоген, — тяжкие труды, непреодолимые для обжор и безрассудных людей, которые весь день пируют, а ночью храпят; эти труды под силу одолеть только людям сухощавым, худым, с животами, подтянутыми, как у ос.

14. Неужели ты думаешь, что от толстопузых много толку? Людям разумным следовало бы провести их по городу, подвершить очистительным обрядам и изгнать[322], а ещё лучше — убить, разрубить на мясо и употребить в пищу, как делают с крупными рыбами, мясо которых вываривают и вытапливают из него жир; у нас в Понте так добывают свиное сало для умащения. Право, я думаю, у таких людей не больше души, чем у свиней.

15. А человек благородный считает труды самыми мощными своими противниками, и с ними он добровольно сражается и ночью, и днём; и делает он это не для того, чтобы ухватить, уподобясь козлам, немножко зелёного сельдерея, ветку маслины или сосны[323], а чтобы завоевать себе благоденствие и доблесть, и притом на всю жизнь, а не только на то время, пока находишься в гостях у элейцев, коринфян или у целого сборища фессалийцев[324].

16. Такой человек не боится никого из своих противников, не просит, чтобы ему позволили состязаться не с тем, а с другим противником, нет — он вызывает на бой всех подряд, сражается с голодом, терпит холод и жажду, сохраняет силу духа, даже если приходится переносить побои, не малодушествует, если его тело терзают или жгут. Бедность, изгнание, бесславие и другие подобные бедствия ему не страшны, их он считает пустяками; такой совершенный человек нередко даже забавляется всем этим, как забавляются дети игрой в кости или в пёстрые шары.

17. — Эти противники, — продолжал Диоген, — кажутся страшными и неодолимыми только людям ничтожным; но кто презирает их и смело выйдет на бой, увидит, что они трусливы и не способны одолеть человека сильного; они как собаки, которые преследуют бегущих и кусают их, а тех, кого схватят, рвут на куски; но, если кто прямо идёт на них и вступает с ними в бой, они пугаются и отступают, а потом, познакомившись поближе, начинают вилять хвостом.

18. Большинство людей смертельно боятся таких противников, уклоняются от встречи с ними, обращаются в бегство и даже не имеют мужества взглянуть им прямо в глаза; напротив, искусные кулачные бойцы, если опередят своего противника, не дожидаясь его удара, часто выходят из боя победителями; если же они, испугавшись, отступят, то на них обрушатся сильнейшие удары; так же и того, кто презирает трудности и храбро принимает

бой, выходя им навстречу, они не могут одолеть; если же он отшатнётся и отступит, они будут казаться ему всё более непреодолимыми и грозными.

19. Ты видишь это и на примере борьбы с огнём: схватись с ним смело — и ты погасишь его, а будешь присматриваться и подходить к нему с опаской — сильно обожжёшься; так подчас обжигаются дети, когда, играя, они пытаются погасить пламя языком. Все те противники, о которых я говорил, похожи на умелых борцов — они душат, терзают, а иногда и бьют насмерть.

20. Но есть и более страшная битва, состязание вовсе не лёгкое, но ещё более трудное и опасное, — это борьба с наслаждением. Битва эта не похожа на ту, о которой говорит Гомер:

Снова у быстрых судов запылала свирепая битва...

Бились секирами тяжкими, взад и вперёд с лезвиями,

Бились мечами и копьями, острыми сверху и снизу[325].

21. Нет, это не такая битва: ведь не открыто использует наслаждение свою мощь, оно обманывает и чарует страшными зельями, как, по словам Гомера, опаивала Кирка спутников Одиссея и превращала кого — в свиней, кого — в волков, кого — в разных других животных. Вот таков нрав и у наслаждения — оно прибегает не к одной какой-нибудь коварной уловке, а к самым различным, оно пытается соблазнить нас и через зрение, и через слух, через обоняние, вкус, осязание, через пищу, питьё и любовные приманки, во время бодрствования и во время сна.

22. Против наслаждения нельзя выставить стражу, как против вражеского войска, и потом спокойно уснуть, нет — именно тогда оно сильнее всего нападает на человека, то расслабляя и поработывая его посредством сна, то посылая ему преступные и дурные сновидения, напоминающие ему о наслаждении.

23. Кроме того, трудности можно преодолеть по большей части силой мускулов, а наслаждение действует через любое чувство, которое присуще человеку; трудностям надо глядеть прямо в лицо и вступать с ними врукопашную, а от наслаждения следует бежать как можно дальше и не общаться с ним, разве что в случаях крайней необходимости.

24. И поэтому самым сильным человеком поистине является тот, кто сумеет убежать от наслаждения дальше всех, ибо невозможно пребывать в общении с наслаждением или даже хотя бы мимолетно встречаться с ним и не попасть полностью в его власть. Когда же оно завладевает душой и опутывает её своими чарами, тогда-то и происходит то, что случилось в жилище Кирки:

25. оно легонько ударяет человека своим жезлом, загоняет его в свиной хлев, и с этой поры он уже не человек, а свинья или волк; от наслаждения рождаются также и всевозможные ядовитые змеи, и всякие прочие пресмыкающиеся; они поклоняются наслаждению, ползают у его дверей, жаждут его, служат ему, терпят при этом бесчисленные муки — и всё напрасно,

26. ибо наслаждение, победив их и завладев ими, насылает на них бедствия, отвратительные и тяжкие.

Вот в каком состязании я испытываю свои силы, борясь против наслаждения и преодолевая трудности, но эти вот ничтожные люди на меня внимания не обращают, а глазят на прыгунов, бегунов и плясунов.

27. Наверное, и прежде люди не видели, как борется и трудится Геракл, и его труды не трогали их; верно, и тогда они восхищались какими-нибудь атлетами вроде Зета, Калаида, Пелея[326] и прочими скороходами и борцами; одними они восторгались за их красоту, другими — за их богатство (например, Язоном и Киниром);

28. о Пелопсе даже рассказывали, будто одно плечо у него было из слоновой кости, словно человеку есть какой-то прок от того, что у него рука из золота или слоновой кости или глаза из алмазов и изумрудов; а какая у Пелопса была душа, этого не знал никто. Геракла же, трудившегося и боровшегося, все жалели и называли злосчастливым среди людей. Поэтому-то его труды и дела прозвали «подвигами», полагая, что жизнь, полная трудов, и есть жизнь злосчастливая[327]; а после его смерти его почитают больше всех, его считают богом, дают ему в жёны Гебу и ему, поборовшему столько бедствий, молятся об избавлении от них.

29. Люди думают также, будто Еврисфей[328] имел власть над Гераклом и давал ему свои повеления, и в то же время Еврисфея считают все ничтожным человеком и никому никогда не приходило в голову молиться ему или приносить ему жертвы; а Геракл прошёл пешком всю Европу и всю Азию, причём вовсе не был похож на нынешних борцов:

30. куда он мог бы пойти, если бы таскал на себе столько мяса, нуждался бы сам в таком количестве мясной пищи и спал бы таким крепким сном? Нет, он был неутомимым, поджарым, как лев, с острым зрением, острым слухом; он не боялся ни стужи, ни зноя, не нуждался в подстилках, плащах и коврах, носил косматую шкуру, терпел голод, добрым помогал, дурных карал.

31. Диомеда Фракийца, который носил богатую одежду, восседал на престоле, пьянствовал целые дни, утопал в роскоши, обижал чужестранцев и своих собственных подданных и держал множество коней, — этого Диомеда Геракл хватил палицей своей и разнёс вдребезги, как старую миску. Гериона, владельца огромнейших стад, самого богатого из всех западных владык и самого надменного, он убил вместе с его братьями и угнал его быков.

32. А когда Геракл увидел, как усердно занимается гимнастическими упражнениями Бусирид, как он целыми днями ест и как чванится своими успехами в борьбе, он бросил его оземь и распорол его тело, как слишком туго набитый мешок; он распустил пояс Амазонки, соблазнявшей его и воображавшей, будто она одолевает его своей красотой; он овладел ею и показал ей, что он никогда не будет побеждён красотой и никогда не отступит ради женщины от своих подвигов[329].

33. Прометея же, который, я полагаю, был чем-то вроде софиста, он нашёл погибающим от людской молвы; ведь у него раздувалась и увеличивалась печень, когда его хвалили, и

сморщивалась, когда его порицали[330]; Геракл пожалел его [...] освободил его от его безрассудства и честолюбия, а вылечив его, сейчас же пошёл дальше.

34. Всё это он совершил вовсе не в угоду Еврисфею; золотые же яблоки, которые он добыл и принёс с собой, — яблоки Гесперид — он действительно отдал Еврисфею: самому Гераклу они были ни на что не нужны; от золотых яблок ведь никакого проку нет, да и самим Гесперидам они нужны не были. Но вот, когда он стал уже не таким быстроногим, стал терять силы, он испугался, что больше не сможет жить, как прежде, — я думаю, у него была и какая-нибудь болезнь, — и позаботился о себе лучше, чем кто-либо из людей; он сложил у себя на дворе костёр из сухих дров и показал, что даже самое жаркое пламя он не ставит ни во что.

35. Однако незадолго до этого — чтобы люди не думали, будто он совершал только громкие и великие дела, — он выгреб навоз из хлевов у Авгия, накопившийся там за много лет, и своими руками вычистил хлевы. Он полагал, что он должен не менее упорно бороться и сражаться с предрассудками, чем с дикими зверями и злодеями.

36. Пока Диоген говорил всё это, много народа стояло вокруг него и слушало его слова с большим удовольствием. И тогда, как я думаю, вспомнив о Геракле, он оборвал свою речь, сел на землю и повёл себя непристойно; сейчас же все отшатнулись от него, называли его полоумным, а софисты снова заорали, как орут лягушки в болоте, пока не завидят водяную змею.

IX. О состязаниях (Истмийская речь)

1. Однажды во время Истмийских игр[331] Диоген, живший в это время, по-видимому, в Коринфе, спустился на Истм. Однако он направился на празднество не с теми целями, как большинство пришедших туда, которые хотели поглазеть на участников состязаний, а кстати, и на славу полакомиться. Диоген же, я думаю, хотел поглядеть на людей и на их неразумие. Он знал, что характеры лучше всего раскрываются на общественных торжествах и празднествах, между тем как на войне и в лагерях люди более сдержанны из страха перед опасностью.

2. Кроме того, он полагал, что здесь они могут легче поддаться лечению — ведь и телесные болезни, когда они ясно проявятся, врачам легче исцелить, чем пока они ещё скрыты; а те больные, которые не заботятся о том, чтобы побеседовать с врачом, скоро погибают. Поэтому-то Диоген и посещал празднества.

3. Он говорит в шутку, когда его порицали за «собачьи» повадки, — ведь за его суровость и придирчивость его называли псом, — что собаки действительно часто увязываются за хозяевами на празднества, но они никому не чинят никакого вреда, а лают и набрасываются только на злоумышленников и грабителей; если же кто-нибудь, опьянев, заснёт, то собаки не спят и охраняют его.

4. Когда Диоген появился на празднестве, то никто из коринфян не обратил на него внимания, так как они часто видели его и в городе, и возле Крания; ведь люди не слишком-то интересуются теми, кто всегда у них на глазах и с кем, как они полагают, они могут общаться в любое время, когда им вздумается; а к тем, кого они видят только время от времени или кого они вообще никогда не видели, они сразу бросаются. Именно поэтому коринфянам всех меньше было пользы от Диогена (так же как больные не хотят обращаться к врачу, живущему вместе с ними); они думали, что им хватит и того, что они видят его в своем городе.

5. Что касается жителей других городов, то больше всего обращались к нему те, кто приходил издалека — из Ионии, Сицилии, Италии; были и пришедшие из Массилии и из Борисфена[332]; все они, правда, скорее хотели поглядеть на него и послушать его хотя бы короткое время, чтобы потом было что рассказать, и вовсе не думали о том, как бы им самим стать лучше.

6. Ведь Диоген славился своим острым языком и умел, не задумываясь, метко отвечать на любые вопросы. Как неопытные люди пробуют понтийский мёд, а испробовав, с отвращением выплёвывают его, так как он горек и противен на вкус, так же многие из пустого любопытства хотели испытать Диогена, но, сбитые им с толку, отворачивались от него и обращались в бегство.

7. Когда он порицал других, им было смешно, но если дело касалось их самих, то они пугались и старались поскорее убраться с дороги. Когда он сыпал шутками и насмешками — как подчас он имел обыкновение, — они приходили в восторг, но если он начинал говорить более возвышенно и с жаром, они не могли стерпеть его резкости. Мне кажется, подобным же образом дети охотно играют с породистыми собаками, но если те рассердятся и залают громче, дети пугаются до смерти?

Диоген всегда держал себя одинаково, никогда не изменяясь и не обращая внимания на то, хвалил ли его кто-нибудь из присутствующих или порицал, заговаривал ли с ним, подойдя, какой-нибудь богач, знаменитый герой, полководец, правитель или какой-нибудь жалкий бедняк.

8. Если кто начинал болтать пустяки, Диоген просто пропускал это мимо ушей, но тех, кто много думал о себе и гордился своим богатством, происхождением или каким-либо другим преимуществом, он особенно ядовито язвил и порицал очень резко. Одни восхищались им, как мудрецом, другим он казался сумасшедшим, большинство же презирало его как бедняка и ни к чему не пригодного, некоторые осуждали его,

9. а были и такие, что старались его оскорбить, бросая ему кости, как собакам, некоторые, подходя к нему, дёргали его за плащ, большинство терпеть его не могло и негодовало на него, так, говорит Гомер, издевались над Одиссеем женихи, а Одиссей в течение нескольких дней терпел их наглость и дерзость[333]. Диоген во всём этом был сходен с ним: поистине он казался царём и властелином в рубище нищего между своими рабами и слугами, превозносившимися в неведении того, кто находится перед ними; а он без труда терпел их присутствие, пьяных и безумствующих по тупости и невежеству.

10. Руководители Истмийских игр и некоторые другие почётные граждане, имевшие власть, были смущены и старались держаться в стороне от Диогена и молча проходили мимо, если видели его. Но когда он увенчал себя венком из сосновых веток, то коринфяне послали к нему нескольких прислужников и велели снять с себя венок и не совершать никаких противозаконных поступков;

11. а он спросил их, почему же для него противозаконно надевать сосновый венок, а для других — нет. Тогда один из пришедших сказал: «Ты же никого не победил, Диоген». — «Победил я, — возразил он, — многих противников, и очень мощных, не таких, как те рабы, которые вон там борются, мечут диск и состязаются в беге;

12. я победил более жестоких противников — бедность, изгнание и бесславие, а кроме того, гнев, тоску, страсть и страх и самое непобедимое чудовище, подлое и расслабляющее наслаждение; никто из эллинов, никто из варваров не может похвалиться тем, что он в борьбе с этим чудовищем победил его силой своей души; все оказались слабее его и пали в этом сражении, персы и мидийцы, сирийцы и македоняне, афиняне и лакедемоняне, — все, кроме меня.

13. Не кажусь ли я вам достойным соснового венка, или, отняв его у меня, вы отдадите его тому, кто больше всех набил себе брюхо мясом? Вот это всё и передайте тем, кто вас послал, и скажите им, что как раз они-то и поступают противозаконно: они, ни в одном бою не одержав победы, расхаживают в венках; скажите, что именно я прославил Олимпийские игры тем, что надел на себя венок — ведь, в сущности, из-за венка следовало бы сражаться между собой не людям, а козлам».

14. Вскоре после этого Диоген увидел одного человека, шедшего со стадиона и окружённого огромной толпой; он даже и не шёл сам, а толпа несла его на руках; из его спутников одни вопили, другие прыгали от радости и воздевали руки к небу, третьи бросали ему длинные ленты. Диоген спросил, почему столько шума вокруг этого человека, что же такое случилось. Этот и человек ответил:

15. «Я победил, Диоген, всех в беге на целый стадий»[334]. — «Ну, и что же из этого? — спросил Диоген. — Ты не стал ни чуточки умнее от того, что ты обогнал других бегунов, ты ничуть не рассудительнее теперь, чем был прежде, ты не стал менее труслив, ты вовсе не менее подвержен страданиям, ты и в будущем будешь во многом нуждаться, и жизнь твоя не станет менее подвержена разным бедствиям».

16. «Да, это правда, клянусь Зевсом, — сказал тот, — но ведь я бегаю быстрее всех эллинов». — «Но никак не быстрее зайцев и оленей, — возразил Диоген, — а ведь именно эти животные, бегающие быстрее всех, они-то трусливей всех других; они боятся и людей, и собак, и орлов и ведут самую несчастную жизнь. Неужели ты не знаешь, что быстрый бег — признак трусости? Как раз те животные, которые бегают быстрее всех, они же и самые робкие.

17. А Геракл, например, был тяжёл на ногу, не мог пешком догонять злодеев и потому носил с собой лук и стрелы, чтобы поражать ими бегущих». — «Но, — возразил победитель, —

Ахилла поэт называет и быстроногим, и храбрейшим». — «А почему ты думаешь, — сказал Диоген, — что Ахилл был таким быстроногим, — он, который не мог догнать Гектора[335], хотя гонялся за ним весь день?»

18. «И тебе не стыдно, — продолжал он, гордиться тем, в чём ты отстаешь от самых слабых животных? Я думаю, что ты даже и лисицу не сможешь обогнать. На сколько же ты обогнал своего соперника?» — «На самую малость, Диоген; именно это и есть самое удивительное в моей победе». — «Вот как, — ты, значит, оказался счастливее его только на какую-нибудь пядь?» — «Да, ведь мы все отборные бегуны». — «Ну, скажи, а насколько быстрее вас пролетают над стадионом жаворонки?»

19. «Так ведь они крылаты». «Следовательно, — сказал Диоген, если самое быстрое существо в то же время превосходит всех других, то, пожалуй, лучше быть жаворонком, чем человеком. Тогда нечего жалеть соловьев и удонов за то, что они из людей превратились в птиц, как рассказывают нам мифы[336]». — «Но я ведь человек, — возразил победитель, — и из всех людей самый быстроногий я».

20. «И что же из этого? Может быть, у муравьев один бегают быстрее другого; разве они восхищаются им? Не показалось ли бы тебе смешным, если бы кто-нибудь стал восхищаться муравьем за то, что он быстро бегают? А если бы все бегуны были хромыми, то стоило ли бы тебе особенно похвально тем, что ты, хромя сам, обогнал других хромых?»

Говоря так, Диоген обесценил само состязание в беге в глазах многих слушателей и заставил победителя уйти огорчённым и присмирившим.

21. Так он оказывал не раз немалую пользу людям: если он встречал кого-нибудь, кто гордился пустяками и не хотел слушать никаких разумных доводов по самому нестоящему делу, Диоген понемногу сбивал с него спесь и освобождал его хотя бы от малой частицы его неразумия; так же врач, делая прокол в опухшую часть тела, заставляет опухоль опасть.

22. Однажды во время беседы Диоген увидел, как два коня, связанные вместе, накали брыкаться и лягать друг друга; вокруг них стояла и глазела на них целая толпа, пока один из коней не сорвался с привязи и не обратился в бегство. Тогда Диоген подошел к тому, который остался на месте, увенчал его и провозгласил победителем в ляганье. Ответом на это был всеобщий хохот и шум, Диогеном многие восхищались, а над участниками состязания насмехались. Говорят, что некоторые зрители даже совсем ушли, не поглядев на состязание, в особенности те, которые жили в плохих помещениях или вовсе не имели пристанища.

Х. Диоген, или О слугах

1. Как-то раз, когда Диоген шёл из Коринфа в Афины, он встретил по дороге своего знакомого и спросил его, куда он идёт; спросил он его, однако, не так, как обычно спрашивают люди, желающие показать, что они не относятся равнодушно к делам своих друзей; но, едва выслушав ответ, они уже бегут дальше; Диоген же ставил вопросы, как

делают врачи, расспрашивая больных о том, что они намерены делать, они ставят вопрос, чтобы потом дать им добрый совет: одно они приказывают делать, другое — запрещают. Так и Диоген стал спрашивать этого человека о том, что он делает.

2. Тот ответил: «Я иду в Дельфы попросить совета у божества. Но когда я шёл по Беотии, от меня сбежал мальчишка-раб, сопровождавший меня, и я возвращаюсь в Коринф[337]; может быть, найду этого мальчишку там». Тогда Диоген возразил, как всегда, очень серьёзно: «Как же ты, чудак ты этакой, думаешь, что ты сумеешь воспользоваться советом божества, раз ты не сумел использовать раба? Не кажется ли тебе, что это последнее дело гораздо легче и менее рискованно, чем первое, особенно для тех, кто не умеет ничем пользоваться как следует? Да и чего ты собственно добиваешься, разыскивая этого мальчишку?

3. Разве он не был скверным слугой?» — «Да, конечно, очень даже скверным. Хотя я не сделал ему никакого зла и даже приблизил его к себе, он всё-таки сбежал». — «Очевидно, он считал тебя дурным хозяином; если бы ты казался ему хорошим, он бы не покинул тебя». — «Но, Диоген, может быть, он и сам был дурным». — «Итак, — сказал Диоген, — он, считая тебя дурным, сбежал, чтобы ты не причинил ему какого-нибудь вреда; а ты считаешь его дурным и всё же разыскиваешь его, — очевидно, тебе очень хочется, чтобы он тебе навредил;

4. разве дурные люди не причиняют вреда тем, кто ими владеет или кто пользуется их услугами, будут ли это фригийцы или афиняне, свободные или рабы? Ведь даже если кто считает свою собаку непригодной к делу, то он не станет её искать, если она сбежит от него; напротив, он выгонит её вон — пускай убирается! А те, кто отделается от дурного человека, ничуть не радуются этому, а начинают хлопотать, оповещать своих друзей, пускаются сами в путь, тратят деньги, лишь бы снова заполучить беглеца.

5. А ты думаешь, от скверных собак бывает больше вреда, чем от дурных людей? Скверные собаки загубили одного Актеона[338], да и то потому, что они были бешеные, а сколько народа погибло от дурных людей, и не сосчитать, — и частные лица, и цари, и целые города; одни — от слуг, другие — от воинов и придворных копьеносцев, третьи — от мнимых и ложных друзей, немало погибло и от руки сыновей, братьев и жён;

6. неужели же это не удача, если удастся избавиться от дурного человека? Надо ли его искать и гоняться за ним? Ведь это всё равно, что, освободившись от недуга, начать его искать и стараться снова как бы внедрить его в своё тело».

Знакомый Диогена ответил: «То, что ты говоришь, Диоген, пожалуй, и верно; но трудно не попытаться отмстить тому, кто тебя обидел; рабу этому я ничего худого, как видишь, не сделал, а он посмел бросить меня; ведь он у меня никакой работы, какую обычно выполняют рабы, не делал, а сидел, бездельник этакий, дома, ел и пил и не имел никаких обязанностей, кроме как сопровождать меня».

7. «И ты полагаешь, — сказал Диоген, — что ты справедливо поступал с ним, кормя его, бездельника и неуча? Ты же ещё больше портил его; ведь лень и безделье больше всего другого губят людей неразумных. Он совершенно правильно решил, что ты его портишь; и

хорошо сделал, что сбежал, очевидно, чтобы взяться за работу, а не испортиться вконец, бездельничая, зевая и объедаясь, а ты ведь, по-видимому, считаешь пустячным проступком то, что ты портишь человека. Разве не следует сбежать именно от такого человека, как ты, как от самого злостного врага и злоумышленника?»

8. «А что же мне теперь делать? При мне ведь нет другого слуги?» — «А что ты сделаешь, если у тебя неудобная обувь, которая натирает ногу, а другой у тебя нет? Неужто ты не снимешь её как можно скорее и не пойдёшь босиком? А если эта обувь сама развяжется, неужто ты не завяжешь её потуже и не стянешь ногу покрепче? Как босые иногда ходят быстрее, чем те, у кого жмёт обувь, так же многие, не имея слуг, живут легче и имеют меньше неприятностей, чем те, у кого их много.

9. Посмотри-ка, сколько хлопот у богачей; одним приходится заботиться о своих заболевших слугах; им нужны врачи и сиделки — ведь рабы обычно не очень-то следят за собой и не берегутся, если захворают, отчасти по неразумию, отчасти потому, что они думают — если что-нибудь с ними случится, то от этого больше вреда будет их господину, чем им самим; другим богачам приходится каждый день сечь своих рабов, заковывать их в цепи, третьим — гоняться за беглыми рабами. Не могут они ни уйти из дома, когда им вздумается, ни дома они покоя не видят;

10. а смешнее всего то, что иногда они обслужены хуже, чем бедняки, у которых вовсе нет рабов.

Богачи похожи на сороконожек — я думаю, ты видал их; у них ужасно много ног, но они самые медленные из всех ползающих. Разве ты не знаешь, что от природы тело каждого человека устроено так, что он может обслуживать себя сам? Ноги у него — для ходьбы, руки — для работы и для заботы о других членах тела, глаза — чтоб видеть, уши — чтоб слышать;

11. к тому же и желудок ему дан такого размера, что человеку не нужно больше пищи, чем он может добыть себе сам; и он вмещает как раз столько, сколько человеку нужно и полезно для здоровья. Рука, на которой больше пальцев, чем положено природой, слабее; человек с такой рукой считается калекой; если у него лишний палец, то он и другими пальцами не может пользоваться, как следует; также если у кого-нибудь будет много ног, много рук, много желудков, то — клянусь Зевсом — это ни мало не придаст ему силы для труда; ничуть не легче будет для него добывать себе всё то, что ему нужно, а, напротив, гораздо труднее и неудобнее.

12. Теперь тебе надо будет доставать пищу только для себя одного, — продолжал Диоген, — а прежде — для двоих; если заболеешь, придётся заботиться только о себе, а прежде пришлось бы ухаживать и за другим больным. Если ты останешься один в доме, то тебе нечего бояться, что ты сам у себя что-нибудь украдёшь, а если заснёшь, то нет опасности, что раб натворит каких-нибудь бед, если не заснёт. Прими во внимание ещё вот что: если ты женат, то жена не будет считать нужным заботиться о тебе, раз у тебя есть в доме раб; к тому же она, конечно, будет ссориться с ним, то бездельничать и приставать к тебе жалобами; а теперь ей будет не на кого жаловаться и она сама станет больше заботиться о

тебе.

13. Где есть раб, там и дети портятся, становятся ленивыми и надменными, раз есть кто-то, кто их обслуживает и на кого они могут смотреть свысока; если же их предоставить самим себе, то они будут мужественней и сильней и с самого детства научатся заботиться о родителях».

«Но, Диоген, я сам беден, и если мне не следует держать раба, то я продам его». — «И ты не постыдишься, — сказал Диоген, — во-первых, обмануть покупателя, продавая ему негодного раба? Ведь ты либо должен скрыть правду, либо ты не сможешь его продать».

14. Кроме того, если человек продаст плохой плащ или какое-нибудь орудие, или животное, больное и непригодное к работе, то ему придётся взять проданное обратно, тогда ты ничего не выгадаешь: а если тебе удастся кого-нибудь обмануть и он не заметит недостатков твоего раба, неужели ты не боишься тех денег, которые ты выручишь? Возможно ведь, что ты купишь еще худшего раба, если наткнёшься на продавца, который окажется похитрей тебя, покупателя; а может быть, ты используешь эти деньги на что-нибудь, что тебе повредит: деньги далеко не всегда приносят пользу тем, кто их приобрёл; от денег люди претерпели гораздо больше бед и больше зол, чем от бедности, особенно если у них нет разума.

15. Ты, очевидно, не постарайся приобрести то, что может научить тебя из всего извлекать пользу и правильно устраивать все свои дела? Ты будешь добиваться не ума, а денег и владения землёй, конями, кораблями и домами? Ты сам станешь их рабом, они принесут тебе много огорчений, заставят тебя много и напрасно трудиться, и ты проведёшь всю жизнь, хлопоча то о том, то о другом, а пользы ни от чего не увидишь.

16. Разве ты не замечаешь, насколько беспечальнее, чем люди, живут звери и птицы? Жизнь для них слаще, они здоровее и сильнее людей, и каждый из них живёт столько времени, сколько ему положено, хотя у них нет ни рук, ни человеческого разума. Но вместо этого и многого иного, чего им недостает, у них есть одно величайшее благо — они не имеют собственности».

«Да, пожалуй, Диоген, я предоставлю своему рабу идти, куда ему угодно, разве что я случайно натолкнусь на него». — «Клянусь Зевсом, — возразил Диоген, — это всё равно, как если бы ты сказал: не стану я искать эту брыкливую и лягающуюся лошадь, но если она мне попадётся, то я подойду к ней поближе, чтобы она меня хорошенько лягнула».

17. «Ну, ладно, оставим это дело. А почему ты не хочешь, чтоб я воспользовался указанием божества?» — «Что? Я отговариваю тебя воспользоваться его указанием, если ты способен к этому? Вовсе не это я сказал, а вот что: очень трудно и даже невозможно использовать указание бога или человека или даже пользоваться своими собственными силами, справиться, если не умеешь; а попытаться что-то делать, не умея, — вот это хуже всего. Или ты думаешь, что человек, не умеющий обращаться с конями, много пользы от них получит?» — «Конечно, нет». — «А если применить силу, то не столкнёшься ли скорее с ущербом, чем с пользой?» — «Ты, конечно, прав».

18. «Вот ещё один пример. Если кто-нибудь не умеет обращаться с собаками, может ли он получить от них пользу? Разве пользоваться чем-нибудь не значит ли получить от этого пользу?» — «Пожалуй, что так». — «Следовательно, никто из тех, кто понёс ущерб, не пользуется тем, что ему наносит вред?» — «Нет, не пользуется». — «Разве тот, кто пытается пользоваться собаками, не имея на то необходимых знаний, не расплачивается за это?» — «Разумеется, расплачивается». — «Значит, он и в самом деле не использует их, ибо нет использования без пользы, и притом дело обстоит именно таким образом не только тогда, когда имеются в виду собаки и кони, но и быки, и мулы.

И вот что, пожалуй, самое удивительное: без надлежащего опыта нельзя управиться даже с ослом и бараном.

19. Разве тебе не известно, что одни получают доход, а другие — только ущерб от занятия овцеводством и эксплуатации ослов?» — «Конечно, знаю». — «Не ясно ли, что как раз неопытные люди несут убытки, а специалисты получают пользу и от ослов, и от свиней, и от гусей, и от любого другого животного». — «Видимо, так». — «Вот именно. Разве то же самое нельзя сказать и обо всём остальном? Может ли на кифаре играть человек, не обученный музыке? Даже когда он только пробует играть, само его неумение уже вызывает смех, не говоря о том, что он портит инструмент и рвёт струны».

20. «Что ещё скажешь?» — «Если кто-нибудь захочет играть на флейте, не будучи флейтистом, и с этой целью явится в театр, не забросают ли его в наказание камнями, а флейту он и сам в ту же минуту сломает? А если кто станет за кормовое весло, не умея править, разве он не пустит тотчас же корабль ко дну, погубив себя и пассажиров? Разве дело обстоит иначе? Принесут ли пользу копье и щит трусам и неумехам? Разве при первом же испытании они не погубят не только своё оружие, но и самих себя?»

“ «Я согласен с тобой, Диоген, но пока ты бесконечно задаёшь вопросы, солнце успеет закатиться».

21. «А не лучше ли слушать полезные слова до самого захода солнца, чем без толку идти вперёд? Значит, во всех тех случаях, когда ты не умеешь чем-либо пользоваться, нельзя быть уверенным в исходе дела; а чем важнее та вещь, которую ты хочешь использовать, тем больше вреда при неумелом обращении она может принести. Уже не думаешь ли ты, что с конём можно обращаться так же, как с ослом?» — «Что ты? Конечно, нет». — «А можно ли обращаться с богом так же, как с человеком?» — «Об этом даже говорить не стоит, Диоген», — ответил собеседник. «Итак, существует ли такой человек, который может пользоваться чем-нибудь, не будучи с ним знаком?» — «Что ты имеешь в виду?» — спросил он. «Тот, кто не знает человека, не может пользоваться услугами этого человека.

22. Это ведь невозможно. И тот, кто не знает самого себя, не может, пожалуй, пользоваться даже самим собой». — «Кажется, ты прав». — «Должно быть, ты слышал уже о надписи в Дельфах: „Познай самого себя“ [339]?» — «Конечно». — «Не ясно ли, что бог предписывает заниматься этим всем как не познавшим самих себя?» — «По-видимому, так». — «Но ведь и ты, должно быть, один из них?» — «Почему же нет?» — «Разве ты уже познал себя?» — «Мне кажется, что не познал». — «Но если ты сам не знаешь, что ты есть, то, значит, не знаешь,

что такое человек, а не зная этого, ты не способен пользоваться другим человеком. Не будучи в состоянии пользоваться человеком, ты в то же время пытаешься пользоваться услугами бога, что, по общему мнению, во всех отношениях значительно сложнее и труднее первого».

23. «Ты что же думаешь, — продолжал Диоген, — Аполлон говорит по-аттически или на дорийском наречии? Разве у людей и богов один и тот же язык? Они ведь настолько отличаются друг от друга, что даже река Скамандр в Трое на их языке называется Ксанфом[340]. Птицу „кюминдис“ они называют „халкида“, а некую местность, расположенную за чертой их города, троянцы называют Батиейя, а боги — „Могила Мирины“[341]. Из-за различия в языках возникает и неясность оракулов, которые многих ввели уже в заблуждение.

24. Для Гомера, должно быть, имело смысл отправиться к Аполлону в Дельфы, ибо он знал два языка, если, конечно, не все вообще, и притом не кое-что, вроде тех, кто, заучив два-три слова по-персидски, по-мидийски или ассирийски, обманывают несведущих.

А ты не боишься того, что боги говорят одно, а подразумевают другое? Вот что, например, рассказывают о знаменитом Лае[342], который стал возлюбленным Хризиппа[343]; он пришёл в Дельфы и спросил у бога, обзавестись ли ему детьми. Оракул ответил, чтобы тот не имел детей, а если уж появится ребенок то следует от него избавиться[344].

25. Лай же был настолько неразумен, что не понял двойного смысла, скрытого в словах Аполлона, и родил и воспитал сына. Впоследствии он и сам погиб, и весь свой дом погубил, так как был не способен „пользоваться“ богом[345]. Ведь если бы он не услышал этого оракула, то не бросил бы Эдипа, и последний, выросший в доме, не убил бы Лая, зная, что он его сын.

26. Слышал ты, верно, и то, что рассказывают о лидийском царе Крезе[346], который, полагая, что более всего следует повиноваться богу, пересёк реку Галис, лишился своего царства, сам попал в плен и едва не сгорел живьём.

Думаешь, ты мудрее Креза, человека, обладавшего огромным богатством и повелевавшего таким множеством людей, дружившего с самим Солоном и многими другими мудрецами?

27. Тебе, конечно, известна также история Ореста и ты видел трагедии, в которых он в припадке безумия порицает бога, будто тот посоветовал ему убить собственную мать[347]. Не считаешь ли ты, что Аполлон мог предписать кому-нибудь из спрашивавших его содействовать чему-либо дурное или позорное? Но, как я уже сказал, не будучи в состоянии „пользоваться“ богом и тем не менее пытаюсь сделать это, люди потом обвиняют не самих себя, а божество.

Если ты последуешь моему совету, — сказал Диоген, — то будешь осторожен и постарайся сперва познать самого себя, а потом, когда ты уже сам станешь разумным, тогда и иди к оракулу, если сочтёшь это необходимым.

28. Но я уверен, что тебе не понадобится никакой оракул, если у тебя будет свой разум. Подумай-ка, например, оракул прикажет тебе правильно читать и писать, а ты не знаешь

грамоты — ведь ты не сможешь сделать, как он велит; а раз ты знаешь буквы, то ты и без веления божества будешь писать и читать, как следует. Также и во всяком другом деле: если тебе дадут совет делать что-то, чего ты делать не умеешь, ты не сможешь это выполнить. И жить правильно ты не сможешь, если не подумаешь сам, как это сделать, хотя бы ты надоедал Аполлону своими вопросами каждый день, а он занимался бы только тобой одним. А имея разум, ты и сам сообразишь, что тебе надо делать, и как[348].

29. Есть, правда, ещё одна сторона вопроса, о которой я забыл сказать, когда речь шла об Эдипе. Он не отправился в Дельфы за оракулом, а встретился с Тирезием и, получив от него прорицание, только по причине своего неразумия претерпел великие бедствия. Он узнал, что женился на своей матери и она родила ему детей. После этого, может быть, следовало бы лучше скрыть этот факт от фиванцев, но Эдип, во-первых, широко его обнародовал, а затем стал негодовать и громко кричать, что он отец и брат своих детей, а матери своей он муж и сын.

30. Однако петухи вовсе не негодуют в подобной ситуации. Не делают этого и собаки, и ослы, и даже персы, которые славятся самыми благородными в Азии. Вдобавок ко всему Эдип сам ослепил себя, а потом, слепой, скитался повсюду, будто не мог этого делать, сохранив зрение».

Тогда в ответ на эти слова возразил собеседник: «Ты, Диоген, изображаешь Эдипа самым тупым из людей, эллины же, напротив, считают, что хотя не было на свете более несчастного человека, однако не было и более мудрого.

31. Ведь только он один смог разгадать загадку Сфинкса»[349]. На это Диоген рассмеялся. «Если бы только разгадал! — воскликнул он. — Не слышал ли ты, что это сам Сфинкс подсказал ему ответ: „Человек“? Эдип же сам не мог сказать, что есть человек, так как не знал. Произнося слово „человек“, он думал, что отвечает на вопрос. Точно таким же образом, когда спрашивают: „Что есть Сократ?“ — отвечающий ничего иного сказать не может, кроме как назвать имя „Сократ“. Я, по крайней мере, слышал, как кто-то утверждал, что Сфинкс — это символ невежества, которое как раньше, так и теперь наносит вред беотийцам[350]. Это оно не позволило им что-либо познать, ибо они самые невежественные из людей. И хотя находились люди, сознававшие своё неразумие, однако Эдип, считая себя самым мудрым, думал, что он избежал гибели от Сфинкса и убедил в этом остальных фиванцев, тем не менее погиб самым злосчастным образом. Таким образом, невежды, убеждённые, что они мудрецы, гораздо несчастнее всех остальных. Таково и племя софистов».

Версия #1

Зверобой создал 14 ноября 2025 11:30:10

Зверобой обновил 14 ноября 2025 11:38:09